

Сам себе кофе в постель подаю,
Кротко внимаю пасхальному звону.
Был бы я пастырь, завел попадью —
Вместе бы Господу били поклоны.

Я ж не священник, и нет попадья,
Некому душу излить, кроме Бога.
Я так давно нахожусь меж людьми,
Чтобы от них ожидать слишком много.

Люди — не ангелы, я — не святой,
Чтобы забыть их злодейства и козни.
День перед Пасхой,
Кровавый, шестой,
И палачи приготовили гвозди.

Справа — разбойник, и слева — варнак,
А посередине — Сын Божий Распятый.
Страшные стоны задорят зевак,
Делят одежду казненных солдаты.

Билась в рыданиях Божия Мать,
Книжник косился на Деву с опаской.
Трудно в немногих словах описать
Все, что привиделось мне перед Пасхой.

МАЛЬЧИК ДЛЯ БИТЬЯ

Мне назначено мальчиком быть для битья;
Я с рожденья познал оплеухи.
Срок по зонам мотала родная семья,
Помереть не давали старухи.

А когда опочил августейший наш вождь,
В небесах перестроилось что-то,
И на зонах, откуда не выскользнет вошь,
Распахнулись для зеков ворота.

Мой отец, отбывавший тогда четвертак,
Возвратился в родные пенаты.
Но ГУЛАГом ему повредило «чердак»,
И я стал без вины виноватым.

Словно годы, пока он пилил двухметровую рожь,
Я купался в довольстве на воле,
Стал виновен, что выжил я, тощий гаврош,
Ведь не зря меня столько пороли.

Безотцовство, скитанья в пространствах Руси,
На душе отщепенства короста.
Не надейся, не верь никому,
Не проси —
Вот нехитрые догмы сиротства.

* * *

Я столько обижал Творца,
Что грех рассчитывать на милость.
Предобрый Спас, прости слепца
За все, что криво получилось.
За жизнь нескладную мою,
За всех, обиженных случайно,
За несуразную семью,
Распавшуюся изначально.

Теперь я стар и нездоров,
Забыв людьми и брошен властью,
И нет на свете докторов,
Чтоб вызволили из напасти.

Лишенный красок бытия,
Я вопрошаю безутешно:
Зачем Творцу вот этот я —
Безглазый червь во тьме крошечной?
И что мне весь роскошный мир:
Сибирь в снегах и блеск Парижа,

Луга в росе, Байкал, Памир,
Когда я этого не вижу!

Промчался век и был таков,
Ни славы, ни богатств, ни спеси...
Неужто груз моих грехов
Терпенье Бога перевесил?

* * *

Не согреться душе у чужого огня,
Ибо он согревает другого.
И чужая жена, что ласкает меня,
Поменяет себе дорогого.

И Харон до пол-Стикса меня довезет,
И палач, ослабляя удавки,
Не dokonчив работу, меня не добьет.
Ибо все они здесь на полставки...

Я для них лишь рутинный пустой эпизод,
Недостойный усердий заплечных.
А иначе пустили б меня на извод:
Век изводит больных и увечных.

1944

Я рос на хлебе и воде,
А часто даже и без хлеба.
Мечтал тоскливо о еде:
Пожрать бы наконец-то мне бы!

Деревня съела всех собак
И даже кошек самых тощих:
Как выжил я тогда, слабак —
Обтянутые кожей мощи?

Маячил явственный кердык
Но умереть не так-то просто.
И в небесах созрел вердикт:
Отсрочка малому с погостом.

Война катилась на извод
В крови и скорби похоронок.
Там в ад шагал за взводом взвод,
Тут чах от голода ребенок.

Как выжил он, который я,
В военном том голодоморе
Среди обносков бытия,
Где жизнь и смерть в извечном споре?

За все хорошее, всего плохого против.
А вместо горьких неудач поставим прочерк.
Мир очевидностей дискретен и не прочен
И на вчерашних миражах сосредоточен.

И все несбывшееся в нас щемит и поет,
Как будто знаем мы, чем лучше то, иное —
Иной режим, иная женщина и муза,
И чем Европа привлекательней Союза.

Душе непросто жить в непрочном материале.
Что мы в Совдепии нашли, что потеряли?
И как, дожив до горбачевской перестройки,
Союз стал жертвой мастеров шитья и кройки?

* * *

Жизнь ухабиста, как «американские горки»: —
То вознесет, то кинет в грязь на задворки,
Вытрясет душу ни за понюх махорки.
Станешь взирать на мир сквозь больничные шторы.

Многих добило время на этих кочках —
На рудниках, на зонах, в горячих точках.
Мне, одному из тысяч, вышла отсрочка —
Пуля не тронула и обошла заточка.

Я пережил сексотов, вождей и прочих.
Всех поименно вспомнить — не хватит ночи.
Взор мой слепой на прошлом сосредоточен,
Ибо теперешний на чистоган заточен.

Красно-коричневых нынче теснят голубые,
Бывшие «братья» бегут под флаги любые,
Янки куски незалежной себе застолбили,
Щупальцы тянут хунхузы к угодьям Сибири.

Но ведь зачем-то нужен я был на свете —
На гауптвахте, в ссылке? Опять же дети
Изредка вспоминают отца-дебила.
Это и придает мне, слепому изгою, силы.

* * *

Удел поэта — одиночество
В сакральном вещем сочинительстве.
А озарит его пророчество,
Решат, что это — очернительство,

И обличат его в ловкачестве,
Чуть не в кощунстве и предательстве —
Несовместимым с общим мнением...
И кто ж его назначил гением?

И чем он лучше окружающих,
Ни бе, ни ме не соображающих?
Поэт обходится без отчества,
Но он не может без Отечества.
Так пусть он будет понят обществом,
А, может, даже человечеством.